

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 23-го Декабря 1912 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 11164.

КОНЦЫ.

Въ залѣ очень свѣтло, и весело играетъ музыка. У студента первого курса Миши Кузнецова на груди распорядительскій бантъ,— красный съ бѣлымъ. Это очень красиво на темноси-немъ мундирѣ, и Миша ходитъ, выправившись по военному, и съ преувеличеною галантностью здороваются съ знакомыми барышнями и гимназистками.

Ему очень хорошо. Музыка кажется великолѣпной, а залъ удивительно наряд-нымъ, хотя этотъ залъ коммерческаго собранія онъ посѣщалъ еще гимназистомъ во время вечеровъ и знать каждую его деталь.

Миша смыывается съ тво-варищами, и здѣсь его зна-комятъ съ высокой, гра-циозной и немного пухлень-кой брюнеткой Зиночкой Королевой. Миша краснѣ-еть, потираетъ пушокъ на верхней губѣ, даже наду-ваетъ щеки отъ волненія и все таки не находитъ словъ для настоящаго свѣтскаго разговора. О, онъ давно зналъ Королеву, но знакомъ не былъ. Она только въ прошломъ году окончила гимназію и теперь выѣзжаетъ на вечера въ очень нарядныхъ платьяхъ и находится подъ особенно строгимъ наблюдениемъ мамы. Невѣста.

Заиграли вальсъ, и это выручаетъ студента.

— Позвольте васъ про-сить.

Черезъ минуту несется съ Зиночкой по гладкому пар-кету. Чувствуетъ въ своей ру-кѣ ея теплую, нѣжную руку, чувствуетъ, какъ гнется въ его объ-тии ея изящная фигурка, и вспомина-етъ, что еще въ гимназіи мечталъ объ этой красивой дѣвушкѣ и находилъ ее самой интересной.

— Мы, вѣтъ, познакомились, а я не разслышала, какъ васъ зовутъ, улыба-ясь шепнула кокетливая Зина.

— Зовите Мишой.

— Сразу Мишой? Ну хорошо.

— А васъ позовите называть Зи-ной?

— Нѣть. Зинаидой Николаевной.

— Почему же Николаевной? Со-всѣмъ, какъ старушку.

Дѣвушка разсмѣялась:

— Этого требуетъ мама.

— Злая мама.

— Нѣть, она права. Я, вѣдь, уже совсѣмъ взрослая.

Летять дальше. Несется сама музы-ка, а навстрѣчу плывутъ красные, зеленые и бѣлые пятна;—это платья

Правительственная декларациѣ въ 4-й Государственной Думѣ.

Предсѣдатель Совѣта министровъ В. Н. Коковцевъ 5-го декабря читаетъ съ трибуны Государственной Думы декларациѣ отъ имени правительства.

дѣвушекъ; и блестяще гла-за, и улыба-ются алые губы. Миша уже не чув-ствуетъ робости и тихонько шепчетъ:

— А когда мамы нѣть, я все таки буду васъ называть Зиночкой. Хорошо?

— Хорошо.

— Зиночка, вы любите музыку?

— Очень. Я играю сама.

— А любите скетингъ ринкъ?

— Нѣть, но иногда катаемся.

— Будемъ кататься вмѣстѣ. Знаете, Зиночка, когда я былъ въ восьмомъ классѣ, то писалъ для васъ стихи.

— Вотъ какъ!

— У васъ такие прекрасные глаза!

Но вальсъ конченъ. Миша возвра-щается Зиночку ея матери, и дѣвушка быстро говоритъ ему:

— Кадриль я буду танцевать съ вами.

Миша безумно счастливъ. Да, онъ любитъ. Онъ давно любить Зину. Онъ

такъ надѣялся на сегодняш-ний вечеръ, и вотъ его на-дежды оправдались. Онъ да-же покупаетъ свѣжую бу-тоньерку и во время кадри-ли подносить Зиночкѣ.

Когда они прощаются че-резъ часъ, и Миша надѣ-ваетъ сѣренѣкіе боты на маленькия Зинины ножки, дѣвушка говоритъ ему:

— Непремѣнно принесите стихи.

Евдокія Федоровна Ко-ролева—мама, пожилая женщи-на съ холоднымъ взглядомъ и аристократически прези-тельными губами—вѣдетъ въ собственныхъ саняхъ вмѣстѣ съ дочерью и недовольно го-ворить:

— Опять студентъ? Кто это еще?

— Миша Кузнецовъ.

— Это сынъ бухгалтера городской управы?

— Не знаю, мама.

Евдокія Федоровна мор-щится:

— Сколько разъ я гово-рила тебѣ, что ты уже вы-росла изъ этого общества. Все это хорошо въ гимназіи. Слава Богу, у насъ столько порядочныхъ знакомыхъ. Се-годня, напримѣръ, прїѣзжалъ Курагинъ и опять не засталъ тебя дома. Я боюсь, что онъ обидѣлся.

— Онъ такой скучный.

— Глупости. Не забывай, что тебѣ уже девятнадцать.

— Неужели это такъ страшно?

— Не перебивай меня. Устроить свою жизнь очень трудно. Ты хорошо знаешь, что наши средства...

— Мама, но я все это знаю.

— Очень рада. Нервни-чать тебѣ еще рано. Подумай лучше о томъ, что ты сама любишь все дорогое и хорошее, что ты из-балована, что ты капризна.

— Я люблю красивое.

— Оно стоитъ деньги.

— Но причемъ тутъ этотъ Кузне-цовъ?

— При томъ, что это тебѣ не пара.

Черезъ недѣлю Миша явился съ ви-зитомъ.

Когда остался съ Зиночкой вдвоемъ, —тихо протянулъ ей стихи и накло-нился поцѣловать маленькую ручку.

Въ гостиной Королевыхъ все было очень изящно. Мебель тоненькая, нѣж-ная. Стульца и диванчики, точно на муравьиныхъ ножкахъ; всюду краси-вый бездѣлушка, а на полу мягкий пушистый коверъ.

Миша думалъ: „Зиночка совсѣмъ фея въ своемъ сказочномъ царствѣ. Какая она красавая! И она будетъ мо-

ей женой, и у нея будет много таких нарядных комнатъ».

— О чём вы задумались? — спросила Зиночка.

— Я не задумался. Я все время думаю об одномъ. О васъ.

Но Зиночка опять углубилась в чтение стиховъ.

— Это красиво написано, — сказала она улыбаясь.

— Какое?

— А вотъ, гдѣ вы рисуете меня и лунную ночь.

Миша покраснѣлъ и прошепталъ:

— Все это правда, Зиночка. Я давно мечталъ о васъ.

Дѣвушка кокетливо притопнула туфель по ковру и откинулась на спинку креслица.

— А теперь мечтаете?

— Да. Я, вѣдь, люблю васъ.

— Тише, тише. Какъ скоро!

— Зиночка...

— Не Зиночка, а Зинаида Николаевна.

— Вы меня мучаете!

— Нисколько.

Дѣвушка зарумянилась. Въ послѣднее время ее почему то особенно волновали такія признания. Было приятно слушать слова любви, но уже хотѣлось ласки, хотѣлось самой идти на встрѣчу чувствамъ.

Студентъ подошелъ къ Зиночкѣ и наклонился:

— Вы такая же далекая, какъ фея, о которой я писалъ въ этихъ стихахъ,

— Нѣть.

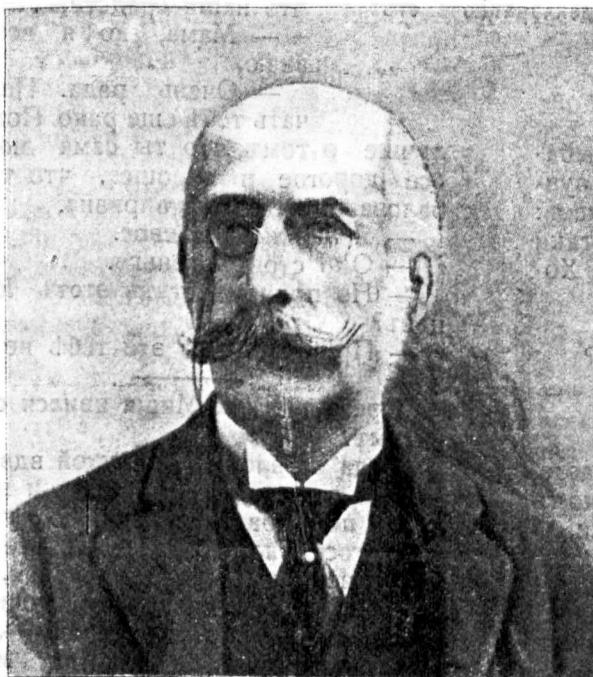
Она вдругъ неиного поблѣдѣла, закрыла глаза и склонила голову къ юношѣ.

Онъ нѣжно и долго поцѣловалъ ее въ губы.

Черезъ часъ послѣ ухода Миши прѣѣхалъ Курагинъ. Пожилой, грузный инженеръ, о которомъ въ городѣ говорили, что онъ гуляетъ на два фронта. Онъ привезъ букетъ розъ. Разсыпался въ любезностяхъ Евдокія Федоровны.

ЛОНДОНСКАЯ МИРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВЕЛИКИХЪ ДЕРЖАВЪ.

Графъ Бенкендорфъ (Россія).

Лордъ Грей (Англія).

Почетный предсѣдатель конференціи.

Курагинъ имѣетъ въ Ницѣ маленькую виллу; затѣмъ обѣ автомобилѣ, о драматическомъ театре, а въ заключеніе, прерывисто смысьясь, Курагинъ рассказалъ нѣсколько анекдотовъ въ духѣ Аверченка.

Уходя, инженеръ обвелъ гостинную дѣловымъ взглядомъ и подумалъ о Зинѣ: „Ей, вѣроятно, очень надоѣто жить въ этой ободранной обстановкѣ“.

Вечеромъ Евдокія Федоровна счтѣмъ дала деньги кухаркѣ на обѣдъ, а потомъ, раскладывая пасьянсъ, подумала:

— Все хорошо, слава Богу. Цвѣты привезъ.

Зиночка въ голубой, полукружевной блузѣ сидѣла у зеркала, распускала

волосы на ночь, и, не безъ удовольствія смотря на себя въ зеркало, думала, отрывками:

— Славный мальчикъ... Поцѣловалъ. Бѣдный, еще влюбится всерьезъ. Какъ онъ писалъ? „Со ступенекъ“... Да, „Вы сошли со ступенекъ террасы, вся повитая блескомъ луны“. Ничего. А Курагинъ... Какие цвѣты! Зимой! Вилла въ Ницѣ. Обѣ этой Ницѣ мама всегда вздыхала. Море, можно купаться. Лазурное море. Свой кусокъ моря... Потомъ карнавалы. И вдругъ Зинаида Николаевна Королева — царица карнавала... Конечно, мама права... На первомъ курсѣ... Бухгалтеръ... Я очень люблю роскошь... Да, люблю, хочу, мечтаю, зачѣмъ себя обманывать...

Она встала... Томно потянулась съ распущенными волосами и улыбнулась такъ задорно, словно въ комнатѣ былъ мужчина.

Курагинъ въ это время щѣхалъ въ клубъ въ собственномъ автомобилѣ. Прижалвшись въ уголъ кареты и затягиваясь сигарой, онъ думалъ, жмурился, какъ котъ:

— Чудесная выйдетъ женщина. Какіе глаза, губы, а бедра! И умна. А ножки... Такъ въ глаза и лѣзутъ. И кто ее, шельму, выучилъ такъ кокетничать? Природа. Да, да, — пора.

Миша Кузнецова сидѣла въ своей маленькой комнатѣ у стола. Косоворотка разстегнута, волосы взлохмачены. Сидѣла и писала:

— Чудится мнѣ — въ окружающей ночи Голосъ лѣбимой звучитъ.

Чай то здорорый таинственный шепотъ

Въ звукахъ ночныхъ говорить.

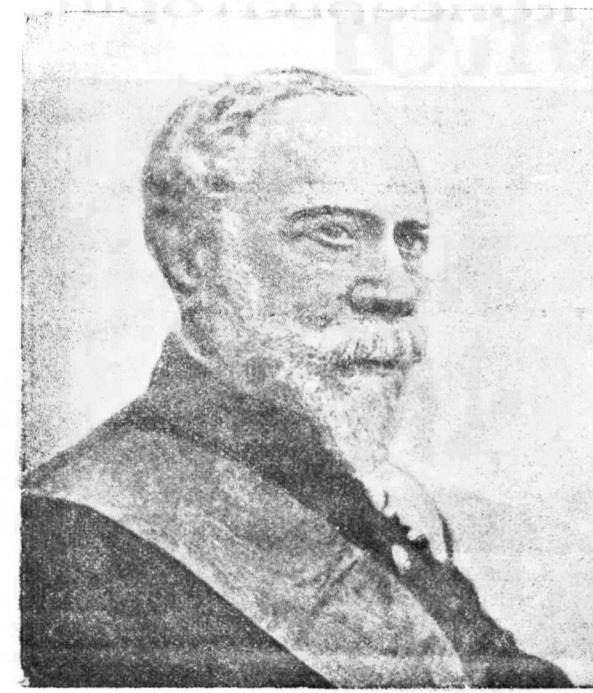
Чья-то любимая ласка смущаетъ,

Томить, чаруетъ меня.

И такъ безумно, съ мягкимъ силой

Къ Зиночкѣ рвется душа.

Запустиль руки въ волосы и началь обдумывать третью четырехстишіе.

Камбонъ (Франція).

Миша былъ на скетингъ-ринкѣ и все поглядывалъ на двери. Почему-то надѣялся, что придетъ Зина.

Но уже десять. Значитъ, не придетъ.

Сняль ролики, собирался уходить и въ коридорѣ столкнулся съ знакомой барышней.

Болтали. И вдругъ сразу:

— Знаете новость? Зиночка Королева замужъ выходитъ.

— За кого? — спросилъ Миша и не узналъ собственного голоса.

— За Курагина.

Миша шелъ домой по темнымъ, уже опустѣвшимъ улицамъ. У фонарей, на морозѣ таинственно искрилась снѣжная пыль.

Онъ зашлакаль вдругъ, и по лицу сбѣгали и холодали слезинки.

Ночью писалъ письмо.

Зиночка сидѣла съ мамой въ гостиной. Хлопоты и волненія послѣднихъ дней не давали возможности даже пріодѣться, и Зиночка была не причесана, въ растянутомъ матинѣ и въ туфляхъ на босу ногу. Какъ вскочила съ по-

стели, такъ и бросилась къ мамѣ судачить.

А мама, важно нахмурившись, писала на листѣ бумаги все какія то странныя, женскія слова и названія, а сбоку выводила цифры.

— Полдюжины шелковыхъ...

— Шелковыхъ?

Отъ удовольствія Зиночка затопала ногами по ковру и обронила обѣ туфли. Затѣмъ вскочила и полуоголая забѣгала по комната.

— У тебя, мамочка, государственный умъ, честное слово!

Въ это время принесли Мишино письмо.

Зиночка взглянула на почеркъ и рѣзко сказала:

— „Отѣста не будетъ“.

Письмо куда то сунула, усѣлась противъ матери, и снова Евдокія Федоровна начала выводить на бумагѣ свои цифры:

— Затѣмъ мы пригласимъ Мурочку. Она чудесно шьетъ.

— У нея золотые руки. И недорогая.

Вечеромъ Зина вспомнила о письмѣ и подумала: „А все таки интересно. Воображаю, какіе тамъ ужасы!“

Улыбнулась, бросилась въ гостиную, но письма не нашла. Остановилась у столика съ свѣжими курагинскими цвѣтами и погрузила въ нихъ довольное, улыбающееся лицо.

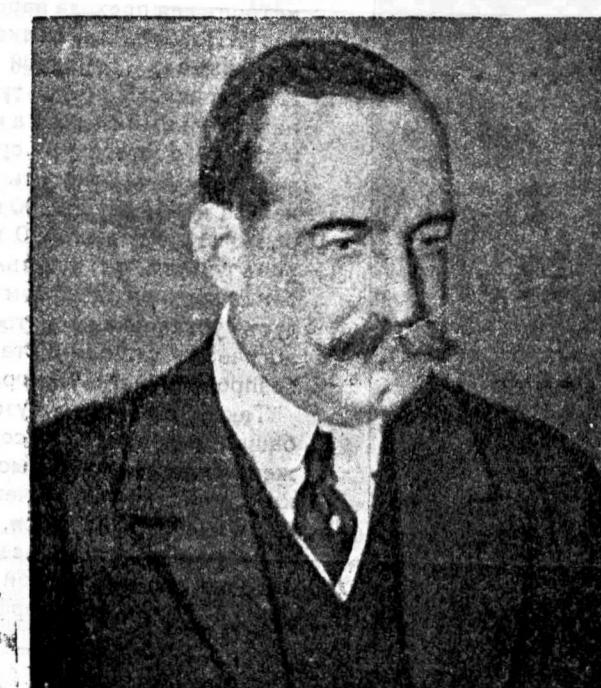
Ал. Станкевичъ.

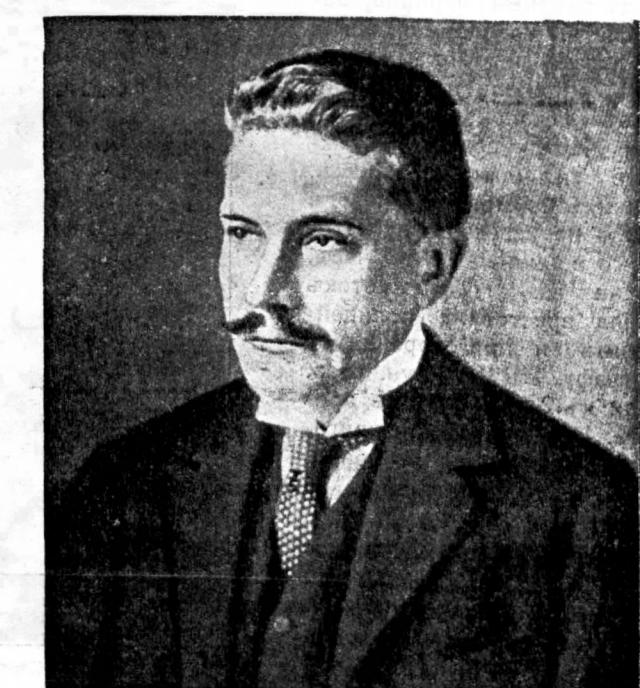
Графъ Менздорфъ-Пуй-Дидрихштейнъ
(Австро-Баварія).

на точныхъ и научныхъ измѣреніяхъ ея тѣла профессоромъ университета, докторомъ Паркеромъ, который нашелъ, что мисс Скиль сложена такъ гармонично, пропорционально и безъ какихъ либо дефектовъ, что тѣлосложеніе ея въ сравненіи съ Венерой Милосской надо считать совершеннымъ, а обладательницу такого чудного дара природы — достойной ежегодной преміи, выдаваемой наиболѣе совершенной въ физическомъ смыслѣ американской женщинѣ. Четыреста пятьдесятъ студентокъ того же университета, которая, надо полагать, склонны считать себя также совершенными американскими женщинами, должны были примирииться съ заявлениемъ ихъ профессора, что имъ далеко не сравняться съ ихъ сотоваркой ни въ пропорциональности тѣлосложения, ни въ красотѣ, ни въ выносливости.

Миссъ Скиль 25 лѣтъ, ростъ ея 5 фут. 7 дюйм., грудная кѣлтка (обхватъ груди) — 34,6 дюйм., талия — 30,3 дюйм., обхватъ вокругъ бедеръ — 40,4 дюйм. и вѣсъ — 1711 amer. фунтовъ. Она — свѣт-

Маркизъ И. де-Франкавилла (Італія).

Князъ Лихновскій (Германія).

Къ 50-лѣтію Петербургской консерваторіи.

А. Г. Рубинштейнъ,
основатель консерваторії.

лая блондинка съ чудесными голубыми глазами и удивительно нѣжнымъ цвѣтомъ кожи.

Это новая Венера, несмотря на всю свою женственность, отдаетъ, однако, предпочтеніе не нарядамъ и баламъ, а спорту и здоровымъ развлеченіямъ на воздухѣ. Скиль любить управлять бѣшено несущимся моторомъ, принимать участіе во всевозможныхъ играхъ съ мячемъ и много ходить. Любимая отрасль ея научныхъ занятій—садоводство, хотя, если бы она была мужчиною, она занялась бы, по ея словамъ, изученіемъ инженерной механики.

и инженерной механики.

Ея любимое кушанье — бифштексъ съ брюквой; ко всяkimъ сладостямъ она болѣе чѣмъ равнодушна. Она никогда не пьетъ ни чаю, ни кофе, и думаетъ, что чистая холодная вода самое лучшее лекарство отъ многихъ болѣзней.

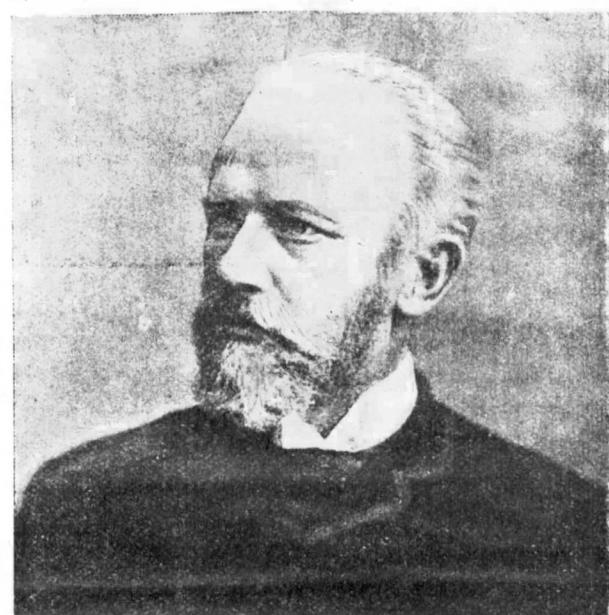
Ухищренія супфражистокъ.

Ухищрения супфражистокъ.
Супфражистки опять неистовствуютъ: сначала онъ портили всѣ письма въ почтовыхъ ящицахъ, наливая туда цвѣтныя чернила, парафинъ, воспламеняющіяся жидкости и т. п., теперь онъ выдумали новый способъ беспокоить всѣхъ; онъ начали подавать ложные сигналы о пожарахъ. Такихъ пожарныхъ тревогъ было произведено въ Лондонѣ не менѣе 10 въ часъ. Одна изъ супфражистокъ была арестована полицейскимъ и приговорена къ штрафу въ 20 фун. стер. или къ 2-мъ мѣсяцамъ ареста. При объявлении приговора арестованная заявила, что штрафъ она платить не желаетъ.

Для того, чтобы произвести побольше замѣшательства въ уличномъ движении, супфражистки выбрали время отъ $7\frac{1}{2}$ до 8 ч. вечера, когда масса народа

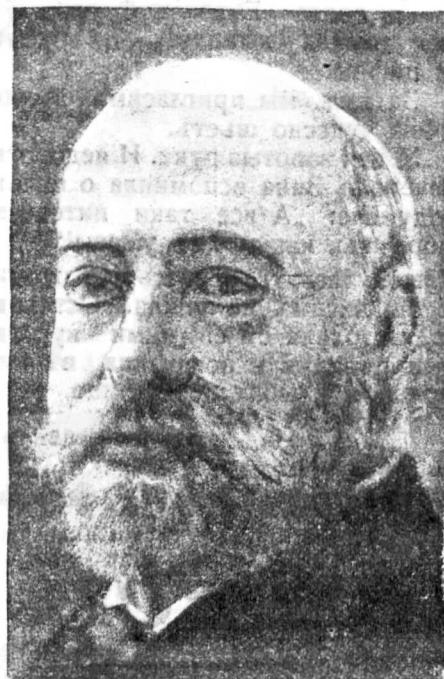
Едеть въ театры и, такъ какъ къ воображаемому мѣсту пожаровъ выѣзжали одновременно семь пожарныхъ командъ, то на улицахъ подымалась большая суматоха. Хорошо, что скоро дознались, что это все ложныя тревоги, а то на пожаръ выѣхало бы 25 пожарныхъ частей. Въ Бирмингамъ суффражистки продѣлывали то же самое между $9\frac{1}{2}$ и 10 часами вечера. На слѣдующее утро на всѣхъ пожарныхъ станціяхъ были получены открытые письма съ надписями: „Голосуйте за женщинъ. Уничтожьте насъ, если можете“.

Что касается почтовыхъ ящи-
ковъ, говорятьъ „Бирж. Вѣд.“, то
одна изъ суффражистокъ пригла-
шаетъ своихъ единомышленницъ
присоединиться къ ней, что бы
общими усилиями теперь уже охра-

П. И. Чайковскій,

ученикъ (перваго выпуска) консерваторії.

Л. С. Авань

заслуженный профессоръ консерваторіи

—**Н. А. Римський-Корсаковъ.**

нять эти ящики отъ слишкомъ ретивыхъ сотоварокъ.

Нѣмецкая Эйфелева башня.

Успѣхъ французской техники не даютъ спать нѣмцамъ. Когда инженеръ Эйфельъ воздвигъ въ Парижъ свою знаменитую башню, германскіе строители стали подумывать о томъ, чтобы тоже создать какое нибудь грандиозное сооруженіе. Эта мысль сдѣлалась у нихъ особенно навязчивой съ тѣхъ поръ, какъ Эйфелева башня превратилась изъ простого украшенія Парижа въ полезное орудіе человѣческаго прогресса, ставъ центромъ проволочнаго телеграфированія и оказывая Франціи неоцѣнимыя услуги.

Теперь нѣмцы окончательно рѣшили построить у себя вторую Эйфелеву башню. Проектъ ея разработанъ берлинскимъ инженеромъ Щецомъ и уже одобренъ германскимъ правительствомъ.

Нѣмецкая Эйфелева башня будетъ воз-
двигнута на поэтическомъ Рейнѣ, неда-
леко отъ Дюссельдорфа. Она будетъ

леко отъ дюссельдорфа. Оно будетъ представлять колоссальный мостъ съ просвѣтомъ въ 200 метровъ для прохода пароходовъ. Покоясь на нѣсколькихъ быкахъ громадной мощніи, расположенныхъ тремя параллельными рядами, мостъ, постепенно суживаясь, будетъ уходить въ небеса на высоту въ 500 метровъ, изъ которыхъ 50 метровъ уйдутъ на шпиль. На самой верхней платформѣ будуть установлены метеорологическая станція и станція безпроволочного телеграфа.

безпроводочного телеграфа.
Такъ какъ французская башня Эйфеля была сооружена для всемирной выставки, то и открытие немецкой башни предполагается, по словамъ „Бирж. Вѣд.“, соединить съ пангерманской выставкой въ Дюссельдорфѣ.